

Знакомство состоялось

К гастролям Комсомольского-

на-Амуре драматического театра

Б ИРЮЗА» пришла в Москальвинский порт утром 2 июля. Из Николаевска-на-Амуре она доставила артистов Комсомольского драматического театра. Труппа его на Сахалине побывала лишь в Александровске, в 1958 г. Таким образом, жителям самого северного на острове района выпала честь первыми познакомиться с этим дальневосточным театром после длительного перерыва.

Надо сказать, знакомство состоялось в далеко неблагоприятных для театра обстоятельствах. Артисты утомились от морского путешествия, а реквизит для объявленной на 2 июля пьесы К. Финна «Дневник женщины», несмотря на лихорадочную спешку рабочих сцены, был приспособлен к постановке со значительным опозданием.

Мы говорим «приспособлен», потому что трудно в данном случае подобрать другое слово, ясно себе представляя, что такое сцена нашего старенького, выдавшего виды Дома культуры. Привыкшие к просторной, на 400 кв. метров, сцене в своем родном Комсомольске, главный режиссер Е. Н. Белов и актеры, занятые в спектакле, попали истинно в незавидную ситуацию. Тем более, что ни о каком «прогоне», даже на скорую руку, спектакля до начала гастролей не могло быть и речи (перенести открытие гастролей на 3 июля — значит, поставить театр в неприятное положение перед зрителями, купившими билеты на «премьеру»).

Стоило появиться одному действующему лицу пьесы, чтобы стало понятно, насколько усложнено положение невероятной загроможденностью сцены, по которой нужно было не ходить, а буквально пробираться: настолько ограниченной оказалась ее «полезная площадь». Высокая степень условности, свойственная современному театру, сослужила тут неоценимую услугу. Столик с телефоном — и перед вами вестибюль гостиницы, столик с креслами — и вот вам отдельный номер той же гостиницы, столик с посудой — и вы в ресторане. Воображение зрителя дорисует остальное...

Однако все эти три столика, с неизбежным «приложением» в виде кресел, стульев и дивана, размещались рядом на

сколоченных плотниками подмостках. Они стесняли актеров, сковывали движения, и удивительно ли, что их игре на авансцене сопутствовала некоторая, вполне впрочем простибельная, напряженность.

Расположенный в глубине «пяточек» основной сцены позволял держаться с большей непринужденностью, актеры свободнее могли проявлять свои дарования, что и предопределило успех картин второго плана.

«Дневник женщины» — пьеса о современности. Достаточно сказать, что главные ее герои строят электростанцию где-то под Верхнегорском. К счастью, автор не поддался заманчивой традиции и не разделил героев на новаторов и консерваторов. У проекта перекрытия реки зимой нет серьезных противников, но он еще нигде не испытывался, и вполне естественно, за него волнуются, применительно к его удаче принаравливают свои поступки. Однако интерес пьесы не в ценности прогрессивной идеи проекта. «Дневник женщины» — пьеса о честности человеческих взаимоотношений.

Как видно из названия, К. Финн избрал форму дневниковых записей Елизаветы Никандровны для повествования о судьбах героев. Он следовал ей не очень последовательно: в пьесе сколько угодно сцен, о которых Елизавета Никандровна и понятия не имела, так как она в них не участвовала. И потом, как скромный человек, Елизавета Никандровна меньше всего была склонна распространяться о своих переживаниях. Мягкой, самоотверженной, сдержанной, предстает она перед нами в исполнении артистки Е. К. Гильченко. Скучность авторской характеристики (Елизавета Никандровна разве только тем и отличена среди прочих действующих лиц, что чаще их показывается перед зрителем) дает мало преимуществ Гильченко, но она щедро возмещает этот недостаток богатым интонациями голосом, переменчивой гаммой выражений лица, отработанным, точным жестом.

Пятнадцать лет не реша-

лась Елизавета Никандровна окончательно расстаться с покинувшим ее мужем. Пятнадцать лет она поддерживала дружеские отношения с ним и его второй женой. Но вот сына Елизаветы Никандровны и Матвея Антоновича уличают в подлости. Тогда-то и были поставлены все точки над «и»...

Матвей Антонович — «непокойная душа», искатель, крупный специалист своего дела. Это знающий себе цену, уверенный руководитель (арт. В. А. Уменушкин). Он способен просидеть ночь над чертежами, неуступчив, если речь заходит о его проекте.

И вот этот человек, оказывается, очень плохо знает Елизавету Никандровну. Она не хочет накануне перекрытия обрушить на его плечи ужасное известие, а он, удовлетворившись слухом об ухаживаниях некоего бравого полковника, расценивает просьбу Елизаветы Никандровны об отъезде, как дезертирство, как свидетельство ее партийной нечестности. Вроде бы и не прошла перед глазами Матвея Антоновича вся жизнь Елизаветы Никандровны, дельного инженера и стойкого коммуниста. И невдомек ему допытаться об истинных причинах отъезда (она бросилась на спасение их падшего сына).

Нет, не верится, что Матвей Антонович — замечательный руководитель. Слишком уж легко меняет он свое мнение. И о ком — о человеке, долго шедшем с ним рука об руку!

Не спасает Матвея Антоновича авторская ремарка, вложенная в уста Елизаветы Никандровны, что, мол, в делах житейских он совершенный ребенок. По нынешним требованиям к руководителю спрос больше, он уже не вправе довольствоваться отменным знанием профессиональной премудрости. Вдобавок ко всему, надобно еще людей изучить не хуже.

И хотя Елизавета Никандровна, навсегда прощаясь с застарелым своим чувством, и говорит растроганно бывшему мужу: «Настоящий ты человек, Матвей!», мы не спешим присоединиться к этой высо-

кой оценке. Это еще дань прошлому, а может быть, заблуждение автора или его героини.

Елизавета Никандровна в конце пьесы пока не понимает, какой переворот с ней приключился. Полевая почта 1042-17 манит ее не только потому, что туда увозит ее безвольного сына настойчивый полковник. Себе она в этом до поры до времени не признается, но симпатии ее бессознательно уже отданы полковнику.

Полковник Фомин достоин этого. Артисту А. И. Лаврухину удалось создать едва ли не привлекательнейший образ спектакля. В первом акте его герой — испытанный в боях служака, детски неопытный «дамский угодник» и в силу последнего — наивный хвастун. Его слова о том, что он владеет английским и немного датским языками насмешливо воспринимают и зал, и Елизавета Никандровна. Но это чисто поверхностное впечатление. Полковник не «однолесточный», — как полагает ее сын, Борис. Он не так прост. Артист Лаврухин без каких-либо претензий, невозмутимо и на редкость ровно убеждает, что пониманию его героем человеческой психологии вполне могут позавидовать иные «интеллектуалы», вроде Бориса...

К стержневому, по мысли автора, конечно, относится сцена заседания комсомольского комитета, где Елизавета Никандровна бесстрашно свидетельствует не в пользу сына. Мысль прекрасная, но страстно произнесенный Гильченко монолог о непреходящем остром восприятии счастья старшим поколением вызывает недоумение. Даже если ее муж и был исключен из партии при культе личности, как связать это с неудачей в воспитании Бориса?..

Нет возможности продолжать подробный разбор спектакля. Запоминаются в нем «трио» — Володя, Наташа, Борис (артисты В. Поздин, Н. Ярцева, А. Четников), ироничный старый шофер (заслуженный артист Армянской ССР, М. П. Спешнев), комичный, чуть-чуть развязный, но добрый Саша (арт. Г. Андриянов)...

Спектакль заставляет еще раз задуматься над подлинными человеческими ценностями, каковыми являются души людей, а это — главное.

В. АЛЕКСАНДРОВ.